

ЭННИ КАРНИ
ЛЮК БРОДУОТЕР

ШАПИ- ТОЛЫЙ

ПОЛИТИ-
ЧЕСКИЙ
ЦИРК
АМЕРИКИ

**Энни Карни
Люк Бродуотер
Шапитолий. Политический
цирк Америки
Серия «Попкорн»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74362201
Шапитолий. Политический цирк Америки:
ISBN 978-5-00269-429-7*

Аннотация

Когда Дональд Трамп возвращался в Белый дом, ему были нужны не просто чиновники, а абсолютно лояльные бойцы. В ход пошли самые спорные кандидатуры: торговцы подержанными авто, 22-летний флорист без опыта работы в госуправлении, люди с непогашенными обвинениями в коррупции. Но это было только начало.

Военным министром стал спортивный комментатор, страдающий алкоголизмом. Руководителем разведки назначили человека, которого коллеги подозревали в связях с пятью иностранными спецслужбами сразу. Министром здравоохранения – яростного антиваксера. А ключевые посты в финансовых органах заняли советники, чьи рекомендации до этого обрушили экономику Аргентины.

«Шапитолий» – это веселая и пугающая книга о том, как выглядит власть, когда она перестает стесняться. Это не просто цирк с пестрыми персонажами вроде Марджори Тейлор Грин или Мэтта Гетца. Это репортаж с закрытых совещаний, где решается судьба мира руками людей, чья главная квалификация – умение развлекать президента.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Глава первая	14
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Энни Карни, Люк Бродуотер Шапитолий Политический цирк Америки

© Карни Э., 2026

© Бродуотер Л., 2026

© Катайцева Э. С., перевод 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

*Мы избираем идиотов.
Лиз Чейни*

Если бы существовало хоть что-то, с чем могли бы согласиться политики всех мастей, заседавшие в 118-м созыве Конгресса США, так это то, что они являются членами неработоспособного законодательного органа, населенного кучкой клоунов. Это их слова, не наши.

«Это будет всё та же дурацкая машина с клоунами, просто с другим водителем», – с досадой заявил представитель Даста Джонсон из Южной Дакоты, председатель фракции Республиканской партии «Мейн-стрит», когда республиканцы в Палате представителей боролись за избрание нового лидера после отставки спикера Кевина Маккарти в октябре 2023 года.

Представитель Чип Рой, техасский позёр с козлиной бородкой из ультраправого крыла, негодовал в зале Палаты представителей одним из многих серых дней зимы 2024 года, пока его коллеги пытались принять законопроекты о расходах: «Никто в этой стране не смотрит на Конгресс и не говорит: "Ничего себе, отличная работа, ребята, молодцы". Кто бы такое сказал?»

Когда мы рассказали представителю Дону Бейкону, рес-

публиканцу из Омахи, штат Небраска, чей округ в 2020 году с перевесом в семь процентов выиграл Джо Байден, что мы пишем книгу об этом Конгрессе, он тут же предложил нам краткое название: «Цирк с конями». (Увы, продвигать книгу с нецензурным словом в названии сложновато.)

Все соглашались, что это был парад клоунов – разногласия касались лишь того, кого именно считать клоунами. Для прогрессивистов различия между ультраправыми и умеренными правыми были незаметны – вся Республиканская партия превратилась в единый цирк, состоящий из экстремистов, потакающих Трампу, стремящихся отменить результаты выборов и запретить аборт.

Для уходящего поколения консерваторов старой закалки проблема заключалась в Дональде Дж. Трампе и его подражателях-приспешниках, которые переняли его театральный, расистский, изоляционистский стиль политики, угрожающий демократии, и сделали его своим. Лиз Чейни, бывшая представительница-республиканец от Вайоминга, ставшая изгоем в своей партии и героиней «сопротивления» из-за столь резкого разрыва с Трампом, подвела итог в июне 2023 года на мероприятии в Нью-Йорке: «В нашей политике мы создали ситуацию, при которой избираем идиотов», – сказала она. Или, по крайней мере, в одном случае, – настоящего мошенника.

Для представителей ультраправого крыла клоунами были лидеры их собственной партии, которых они мучили вся-

кий раз, когда те принимали ответственное решение объединиться с демократами в попытке действительно принять важные законы, например, избежать катастрофического дефолта по долгам или отправить военную помощь демократическому союзнику, которого топчет жестокий диктатор. Ультраправые хотели разрушить систему, а их лидеры-клоуны пытались работать в её рамках. Они считали, что контролируемый истеблишментом Конгресс заслуживает слома.

Кого бы вы ни винили и как далеко в прошлое ни пытались бы проследить проблему, реальность такова, что давно назревавшая дисфункция Конгресса достигла точки кипения в 2023 и 2024 годах, когда республиканцы в Палате представителей, разделённые внутри себя, творили разного рода постыдную историю – сместили собственного спикера, а семь месяцев спустя попытались сместить его преемника; обещали и не смогли выдвинуть ни одной вразумительной причины для импичмента Джо Байдена; без зазрения совести позволяли Трампу диктовать политику с предвыборной кампании и выступали его первой линией обороны против наступающей на него судебной системы; и регулярно блокировали вынесение на голосование законопроектов своей же партии.

Эти годы в Конгрессе были настолько хаотичными, что в разные моменты целых шесть разных человек могли претендовать на звание спикера Палаты представителей: в разные дни были два разных спикера, один временный спикер и ещё

трое, ставшие назначенными спикерами.

Было ясно с ночи 8 ноября 2022 года, на самой унылой политической вечеринке в честь победы в подвальном зале безликого отеля Westin на северо-западе Вашингтона, что это не будет обычный Конгресс. После месяцев прогнозирования «красного цунами» на промежуточных выборах, которое должно было принести республиканцам около 40 дополнительных мест в Палате представителей, тогдашний лидер республиканского меньшинства Кевин Маккарти всё ещё наблюдал за поступающими разочаровывающими результатами из конференц-зала наверху далеко за полночь.

Практически на каждом промежуточных выборах со времен Гражданской войны партия, не находящаяся у власти, добивалась значительных успехов в Конгрессе, и 2022 год должен был стать ярким примером этой исторической тенденции. Самый высокий уровень инфляции за десятилетия, рост цен на бензин и опасения по поводу преступности должны были обеспечить победу республиканцам. «Сильные. Безопасные. Защищённые», – гласили плакаты, которыми собравшаяся толпа в хаки собиралась размахивать перед сценой, когда Маккарти произнесёт свою победную речь.

Они так и не помахали ими, и Маккарти не произнес речь. Он оставался скрытым в своем конференц-зале до 2 часов ночи, когда, с унынием провалившегося стендап-комика, наконец обратился к пустому залу, чтобы сказать горстке репортёров, которые дожидались, что республиканцы в конеч-

ном итоге победят. Итоги выборов в Палату представителей будут подведены только через неделю.

Маккарти оказался прав, но едва-едва. Однако «едва-едва прав» – всё равно прав, и республиканцы в конечном итоге вырвали победу, получив контроль над палатой с перевесом всего в четыре жалких голоса, что и создало основу для той колоссальной дисфункции, которая последовала далее. И игроки в Конгрессе не подвели, предоставив нигилистам из ультраправого крыла Палаты представителей непомерную власть над своими лидерами и сделав так, что одна ветвь власти работала надежно лишь иногда, словно поезд Amtrak, курсирующий по Северо-Восточному коридору.

История о том, как такие деструктивные силы, как представители Мэтт Гетц и Марджори Тейлор Грин, стали влиятельными фигурами в национальной политике, способными диктовать, как работает Капитолийский холм, – это история о самом минимальном большинстве в истории; меняющемся электорате, который угрожал белым избирателям, особенно мужчинам, потерей власти; медиасреде, которая ставит во главу угла самые экстремальные голоса и тех, кто относится к своей работе как к роли в реалити-шоу; системе финансового стимулирования кандидатов, которая выявляет их худшие качества; ослабленном партийном истеблишменте; и том ускорителе, которым был и остается Дональд Дж. Трамп.

Далее следует внутренняя история первого Конгресса,

контролируемого MAGA, который полностью перенял экстремизм и театральность трампизма, а затем сделал их своими собственными. Эта группа законодателей неоднократно доводила работу федерального законодательного органа до полного стопа, используя комбинацию сырой идеологии и откровенного позёрства, унижая Соединённые Штаты в тяжёлое время, когда за рубежом бушевали и конфликт между Израилем и ХАМАС, и война в Украине.

Подстрекатели в Палате представителей, поддерживаемые и подначиваемые правыми инфлюенсерами, часто притворялись, что руководствуются страстно исповедуемыми убеждениями и действуют принципиально. Но не нужно быть Коломбо, чтобы понять, что на самом деле ими двигали мелкие личные ссоры и потребность во внимании, глубокая, как бездонные «маргариты», которые они когда-то пили в Tortilla Coast.

Дисфункция порождала дисфункцию: имея республиканское большинство, которое было способно делать не намного больше необходимого минимума – поддерживать работу и избегать вечно нависающей угрозы остановки правительства, – законодателям было легко принять образ мыслей, что игра в игры и есть их работа.

Этот Конгресс не изобрёл непродуктивность и хаос. Эпоха до Гражданской войны была отмечена несколькими затяжными битвами за пост спикера. В 1856 году представитель Престон Брукс, демократ из Южной Каролины, напал

на сенатора Чарльза Самнера, республиканца-аболициониста из Массачусетса, с тростью, избив его до крови прямо в зале Сената. Но в новейшей истории не было ничего даже близко похожего на тот хаос, который мы наблюдали последние два года. Эта буйная группа законодателей забыла принимать законы, приняв наименьшее количество законопроектов со времен Великой депрессии.

В эти годы пикового хаоса многие из тех политиков, у которых ещё была ответственность, бросились к выходу. Некоторые были настолько несчастны, что не смогли дотянуть даже до окончания своих сроков, предпочтя уйти досрочно и доведя республиканское большинство в какой-то момент до одного-единственного жалкого голоса.

На фоне всего этого демократы пытались сохранять единство и держаться в стороне от схватки, позиционируя себя как стойких спасителей демократии, к которым можно обратиться, когда взрослым нужно взять управление на себя и увести несущийся корабль от скал. Это работало до тех пор, пока их собственный корабль, ведомый пожилым президентом, сам не направился к скалам, и им не пришлось срочно выяснять, как единая партия может вынудить уйти своего лидера. Их готовность в конечном итоге сделать это отличала их от республиканцев, которые были неспособны сделать то же самое по отношению к Трампу.

Моменты, когда Конгресс работал, казались краткими перерывами в затяжном падении в кроличью нору. Немногое

можно сказать в защиту вошедшего в историю 118-го Конгресса, того самого, который окончательно сломался. Но есть одна неоспоримая истина, с которой все согласятся: возможно, это было удручающе, но это не было скучно.

Мы попросили Лоуренса Лессига, профессора права Гарварда, изучающего институциональную коррупцию, поделиться мыслями о том, как именно сломался Конгресс. В ответ он процитировал знаменитую фразу Эрнеста Хемингуэя о том, как становятся банкротами: «Сначала постепенно, а потом внезапно».

Эта книга о том, как выглядит это «внезапно».

Глава первая

*Теперь мы научились управлять.
Кевин Маккарти*

6 января 2023 года, на четвертый день драматического политического противостояния, когда вся страна гадала, когда и сможет ли вообще Палата представителей избрать спикера, конгрессмену Мэтту Гетцу, хищному на вид представителю MAGA-крыла от Флориды, пришла в голову, как ему казалось, блестяще дьявольская идея, как унижить кандидата от партии Кевина Маккарти: он решил выдвинуть на пост, который Маккарти отчаянно пытался заполучить, женщину, которую одно время широко считали его любовницей.

Эту женщину звали Рене Элмерс, медсестра по профессии, ставшая конгрессвумен-республиканкой от Северной Каролины. В Конгрессе она не работала с 2017 года. Однако в Капитолии имя Рене Элмерс часто упоминалось как одно из главных объяснений, почему Маккарти упустил свой шанс на пост спикера, когда он впервые надеялся получить его в 2015 году. Элмерс и Маккарти, оба состоящие в браке, тогда опровергали слухи о связи, но сплетни были настолько распространены, что законодатели-республиканцы ссылались на них как на причину, по которой Маккарти нельзя допускать до кресла спикера.

В той, менее циничной, дотрамповской политической среде внебрачные связи считались компрометирующими для политиков, ратующих за семейные ценности. А Элмерс своим поведением не способствовала тому, чтобы утихомирить бурные домыслы. «Я не могу голосовать за того, кто не просит моего голоса. Видимо, я не вхожу в число его приоритетов», – заявила она тогда журналистам, звуча как отвергнутая возлюбленная и превращая процесс скорее в выборы школьного совета, а не в выборы самого влиятельного человека в Конгрессе, который к тому же является вторым в очереди на пост президента.

Но к 2023-му всё это было уже древними capitoлийскими легендами. Несмотря на то, что разрекламированное «красное цунами» не случилось на промежуточных выборах годом ранее, республиканцы всё же вернули себе власть в Палате представителей, получив мучительно маленькое большинство. Это вновь ввергло Вашингтон в ситуацию разделенного правления и снова, спустя восемь лет, поставило Маккарти в шаг от кресла спикера. И тут призрак Элмерс снова поднял голову, угрожая новым унижением.

Маккарти прибыл в Вашингтон перед долгой неделей с видом человека, только что вышедшего от парикмахера, – слишком свежая стрижка, – и с широкой улыбкой на лице, даже предвидя тернистый путь впереди. Этот жизнерадостный настрой был в стиле Кевина Маккарти: за последние два десятилетия этот калифорнийский республиканец, когда-то

торговавший поддержанными машинами в небольшом городке Бейкерсфилд, проложил себе путь к вершинам политики с помощью улыбок, рукопожатий, сбора огромных сумм денег и постоянного рекрутирования кандидатов – и всё это с единственной целью: однажды стать спикером Палаты представителей. Маккарти не скрывал, как сильно он этого хочет, что давало его коллегам по партии огромную власть над ним.

До Трампа Маккарти был в Вашингтоне типичным республиканцем из Торговой палаты. Его даже провозглашали новым свежим лицом Республиканской партии наряду с конгрессменами Полом Райаном и Эриком Кантором. Эта троица даже написала в 2010 году книгу, назвав себя «молодыми пушками», несмотря на то, что Кантору тогда было сорок семь лет. Но с самой кампании 2016 года Маккарти усердно старался втереться в доверие к Трампу и ультраправому крылу своей партии, часто отмахиваясь от их худших выходов, говоря, что они просто точно отражают настроения избирателей, которые и послали их в Вашингтон. «Если вы считаете Марджори Тейлор Грин сумасшедшей, – говорил он скептически настроенным донорам, – просто съездите в её округ и посмотрите на избирателей, которые её выбрали».

Маккарти часто описывал свою работу лидера партии как работу термостата: контролировать температуру. Но правда заключалась в том, что он чаще действовал как термометр: просто измерял политическую температуру и затем подстраивался под неё, чтобы чувствовать себя комфортно.

Следовать за большинством и терпеть – слабый способ руководить, и именно этим объяснялось положение, в котором оказался Маккарти, когда Конгресс собрался в начале 2023 года и он решил сделать свой ход. После разочаровывающих промежуточных выборов, на которых республиканцы получили контроль над Палатой с перевесом всего в 4 места, Маккарти и его ближайшие союзники были убеждены, что у него не будет голосов для победы в первом туре голосования за спикера. Это само по себе было исторически позорно – с 1923 года ни одному спикеру не требовалось более одного тура для избрания. Маккарти, оптимист по натуре, глубоко сомневался, что у него вообще когда-нибудь будет достаточно голосов.

Последовавшая за этим затяжная, случающаяся раз в столетие схватка в зале заседаний стала, как это часто бывает при дисфункциональном правительстве, наглядным уроком гражданственности. Американцы узнали, как на самом деле работает процесс избрания спикера: как ни странно, члены Палаты просто голосуют снова и снова, пока кто-то не получит абсолютное большинство. Процесс этот низкотехнологичный и прозрачный: журналисты сидят в зале и наблюдают за ним, клерк Палаты карандашом на бумаге отмечает голоса, и всё это транслируется в прямом эфире по C-SPAN. И на этот раз за этим наблюдал весь мир: во время своих последующих международных поездок Маккарти узнал от президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси и от главного помощ-

ника Папы Франциска, что они не отрывались от телевизора, следя за всеми пятнадцатью раундами.

Для хорошего счетовода голосов сюрпризов быть не должно. Колеблющихся нужно было выявить и провести с ними переговоры заранее, заключить сделки, и нужно было точно знать, как каждый член твоего кокуса планирует голосовать, прежде чем хоть один голос будет зафиксирован на учетном листе клерка.

Работа спикера Палаты представителей – самая трудная работа в выборной политике после президентской. В современном Конгрессе, где обе партии управляют с минимальным перевесом, эта работа сводится к математике: как набрать 218 голосов, необходимых для принятия законопроекта в присутствии всех членов? Эта задача требует постоянной и тщательной калибровки, чтобы угодить всем флангам партии, а также энциклопедическим знаниям округов членов палаты, их комитетов, их приоритетов и их уязвимостей. Это требует от спикера уже заранее знать, чего хотят эти члены, чтобы он мог начать переговоры с ними по мельчайшим деталям. Бывший спикер-демократ Нэнси Пелоси часто сравнивала каждый законопроект с калейдоскопом: поворачиваешь его – и открывается новая комбинация членов, которая даст тебе 218. И для каждого законопроекта это будет разная коалиция.

Законодатели, работавшие в руководстве, часто говорят о том, как важно понимать, что «нет» не всегда означает

«нет», а «да» не всегда означает «да». Они учатся различать «нет, ни за что» и «нет, но убедите меня». Возможно, еще важнее то, что они знают, когда заверение в том, что «вы можете рассчитывать на мой голос», шатко. Они знают, когда нужно назначить голосование, чтобы зафиксировать этих шатких сторонников, а когда снять законопроект с голосования, потому что поддержки нет. «Вы должны действовать без колебаний», – писала Пелоси в своей книге о работе спикера. «Как только вы колеблетесь, ваши возможности сужаются».

Тулси Габбард – глава Национальной разведки при Трампе, лоббист Индии, Никарагуа и Кубы

К трудностям работы спикера добавляется и реальность того, что Палата представителей огромна, а темп работы высок, и случайное замечание, оброненное кем-то в коридоре, может иметь огромные последствия. Самые успешные лидеры действуют быстро и решительно – определяют тактику, выстраивают консенсус, подсчитывают голоса и выходят в зал.

Маккарти подсчитал голоса, и их не было, но он всё равно пошёл в зал.

В том январе американцы также узнали, что не обязательно быть членом Палаты представителей, чтобы быть выдвинутым на пост спикера. В одном из пятнадцати туров Гетц выдвинул Дональда Трампа. Они также узнали, что даже не обязательно знать, что тебя выдвигают на пост спикера, чтобы быть выдвинутым – именно так у Гетца и возник жестокий план вытащить Рене Элмерс в тот момент, когда казалось, что Маккарти снова провалится.

Гетц, политический непо-бэби из Флориды (его отец – бывший президент Сената штата Флорида и влиятельный политический брокер Дон Гетц), прибыл в Конгресс в 2017 году никому не известным на национальной арене. Но он идеально вписался в политический момент: будучи машиной для производства цитат и прирожденным телеведущим, он питался конфликтами и быстрее любого другого республиканца в правительстве перенял трамповскую тактику выжженной земли. К 2023 году Гетц стал полноценной знаме-

нитостью МАГА, которую многие его коллеги в Вашингтоне считали коварной и аморальной, – «хрестоматийным социопатом», как сказал о нём один из коллег, – и выборы спикера должны были стать для него главным событием.

Слишком малое большинство означало, что месяцами Маккарти предвидел необходимость серьезных уступок ультраправому крылу своей партии и таким людям, как Гетц, которые могли лишить его поста спикера. Группа из двадцати ультраправых республиканцев, назвавших себя довольно разочаровывающе прямолинейно – «Двадцать», – была ярыми противниками Маккарти и понимала, что он нуждается в них гораздо больше, чем они в нем. И они не стеснялись давать ему это понять.

2 января, за день до первого голосования, Гетц отправил Маккарти сообщение, из которого будущий спикер понял: противники выжмут из него все уступки, до последней капли. «Я отлично выпался», – написал Гетц. Днем ранее они обсуждали, что Маккарти мог бы предложить Гетцу в обмен на его поддержку. «Как мы и обсуждали, мой творческий ум придумал еще кое-что, что может так или иначе завершить наши переговоры». Маккарти не интересовали творческие козни Гетца, но он был в безвыходном положении.

Против Маккарти играли не только нигилизм его политических противников и слабость его собственной позиции, но и сложная институциональная реальность. Исторически сложилось так, что лидеру республиканского большинства бы-

ло трудно подняться до спикера. Республиканцы известны своей склонностью к каннибализму, к требованию кого-то другого просто ради того, чтобы был кто-то другой. Спикеры-республиканцы просто не задерживались надолго, а Маккарти, что было ему только во вред, работал в руководстве с 2009 года – факт, который, как знали он и его советники, будет использован против него.

Но Маккарти был более чем готов на уступки. Он пообещал включить членов «Двадцатки» в влиятельные комитеты, позволить им изменить правила Палаты, чтобы любой человек мог инициировать внезапное голосование с целью сместить его с поста спикера (на капитолийском сленге это называется «предложение об освобождении кресла» или, что еще более раздражало, «MTV»). В конечном итоге Маккарти даже оправдывал это, заявляя, что многие из изменений, которые он когда-то называл «не подлежащими обсуждению», на самом деле полезны для института Палаты, полезны для республиканской конференции и даже полезны для его позиции спикера.

Разбираться с последствиями своих уступок, решил он, будет проблемой для него же, но в будущем. Единственное, что имело для него значение тем не по сезону теплым январским утром, – это то, что он был на пороге должности, о которой так долго мечтал, и на его пути не стояло ни серьезного соперника, ни даже мало-мальски приличного запасного варианта.

Последовавшие за этим пять дней, похожих на «День сурка», были хуже всего, что он или его самые пессимистичные союзники могли себе представить, поскольку стало ясно, что ультраправым на самом деле нравится это зрелище – пытаться Маккарти, и что он будет продолжать принимать наказание, пытаясь их умиротворить.

Позже, когда всё было кончено, Маккарти попытался представить свое унижение как силу. «Из-за того, что это заняло так много времени, теперь мы научились управлять, – сказал он журналистам. – Так что теперь мы сможем делать свою работу».

Глава вторая

*Ты получишь портрет.
Мэтт Гетц*

Маккарти знал, что то, что он делает, сродни переговорам с террористами – что бы он им ни дал, они хотели больше. Но его руки были связаны. Мэтт Гетц и конгрессмен Боб Гуд, ультраправый законодатель из Вирджинии, месяцами разжигали «антикевиновские» настроения и пытались заставить своих коллег подписать обязательство никогда не поддерживать Маккарти как спикера.

За день до первого голосования Маккарти и Пелоси столкнулись в коридоре недалеко от Рэйберн-рум, роскошного зала для мероприятий рядом с залом заседаний Палаты представителей, где лидеры фракций часто проводят пресс-конференции.

«У тебя есть голоса?» – спросила Маккарти Пелоси, известная своим умением выбивать голоса из своих подопечных.

Пелоси и Маккарти терпеть друг друга не могли. Когда Маккарти был лидером меньшинства, а Пелоси – спикером Палаты представителей, он боялся любых встреч так называемой «Большой четверки» (двух главных демократов и двух главных республиканцев из Палаты представителей и Сена-

та), которые, как он ворчал, неизбежно начинались с десятиминутной тирады Пелоси, подробно описывающей все его слабости. «Понятия не имею, какого черта он здесь делает. Почему он вообще здесь?» – говорила она в его присутствии. Это довольно точно описывало ее взгляд на Маккарти: он занимает место зря, и тратить время на разговоры с таким идиотом – пустая трата ее времени.

Но при всей их враждебности Пелоси была обеспокоена способностью Палаты функционировать.

«Пока нет», – ответил ей Маккарти, признав, что фракция его партии выдвигает ему требования, включая то самое предложение об освобождении кресла, которое можно было бы внести одним голосом. Совет Пелоси Маккарти был прямолинеен: «Просто добейся голосов, – сказала она ему. – Демократы всегда будут защищать институт».

Ее слова еще месяцами будут звучать в ушах Маккарти, превратившись в более конкретное обещание, чем она, вероятно, подразумевала. Маккарти рассказывал всем, кто готов был слушать, что Пелоси пообещала ему: если кто-то из его собственной партии попытается сместить его с поста спикера, демократы придут к нему на помощь.

Ночью перед тем, как Маккарти планировал выйти в зал для первого голосования (которое, как он знал, проиграет, потому что «никогда-кевины» еще не были готовы поддержать его), позвонил Трамп и сказал, что у Гетца и его банды противников есть план, который они хотят ему представить.

«Они придут к тебе кое с чем», – сказал Трамп. Экс-президент не знал деталей и в тот момент не был особенно заинтересован в этой ситуации. Но у него были достаточно хорошие отношения с Маккарти, и он хотел помочь, если это его ни к чему не обязывало. Гетц вместе с коллегами, включая конгрессвумен Лорен Боберт, маленького роста, с оружием, подстрекательницу из Колорадо, пришли в офис спикера на встречу с Маккарти, который уже переехал в кабинет, который ему еще только предстояло выиграть.

Гетц, искусный манипулятор горсткой членов палаты, которых он использовал, чтобы пытаться контролировать Маккарти, говорил в основном сам, размахивая десятистраничным списком требований, которые, по его словам, были его новыми предварительными условиями для переговоров. «Предложение об освобождении кресла необходимо, но недостаточно», – сказал он Маккарти, имея в виду то, от чего тот должен отказаться ради поста.

Маккарти откинулся на спинку стула, чтобы слушать. «Хорошо», – ответил он.

«Лорен нужно возглавить Подкомитет по ресурсам», – сказал Гетц, указывая на Боберт, бросившую школу девушку, которая до избрания в Конгресс владела баром под названием Shooters Grill и которая во всем слушалась Гетца.

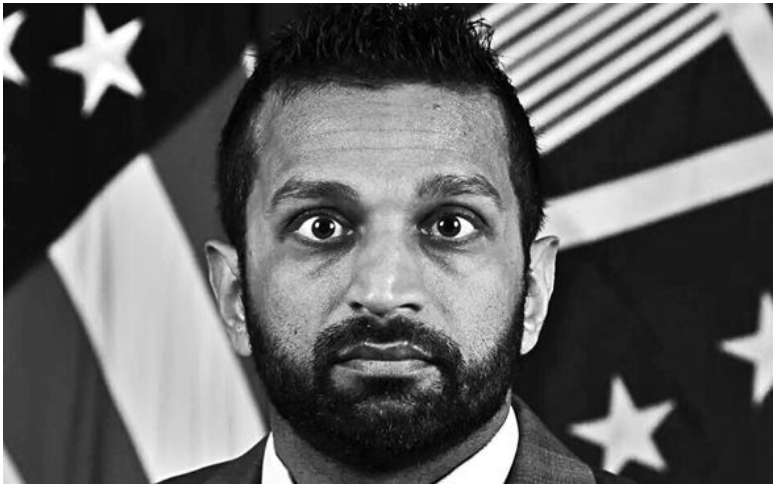
Конгрессмену Скотту Перри из Пенсильвании, председателю «Фридом Кокус», нужно возглавить новый комитет, нацеленный на усиление республиканской критики админи-

страции Байдена, добавил Гетц. Этому комитету, сказал он, «нужен бюджет, равный бюджету Специального комитета по расследованию событий 6 января».

Для себя Гетц выбрал руководство ключевой подкомиссией в Комитете по вооруженным силам. (Его округ во Флориде включал три крупные стратегические военные базы.)

Гетц зачитывал свои требования с листа бумаги, который Маккарти попросил показать. «Я не могу вам его дать, – сказал Гетц, – потому что у меня только одна бумажная копия».

Будущий спикер наконец достиг предела в этом унижительном спектакле и рассмеялся. «Мэтт, похоже, это ты хочешь быть спикером», – сказал он.

Каш Пател – индийский лоббист, глава ФБР при Трампе

«Ты получишь портрет», – парировал Гетц. Это был злобный выпад в адрес Маккарти, бывший по неприглядной карикатуре на лидера-республиканца: что ему не интересны политика или законотворчество, что он просто хочет эту работу ради власти и золотого портрета маслом, который однажды будет висеть в роскошном Спикерском лобби у входа в зал Палаты.

«У меня полно своих фотографий, не нужен мне никакой гребаный портрет», – сказал Маккарти, прежде чем выставить Гетца и его друзей из своего кабинета. Это был тяжелый момент: его помощники редко видели невероятно жизнерадостного калифорнийца таким мрачным. Маккарти и его главные советники в тот момент думали, что у них никогда не будет голосов для победы.

По крайней мере, у Гетца были конкретные требования. Для Маккарти существовала дополнительная проблема в лице членов палаты, которым, казалось, просто нравилось находиться в центре внимания, которое давал статус «никогда-кевина», и которым больше ничего и не нужно было. Это были люди, которые просто хотели разрушить систему, которую он олицетворял.

Боберт, которая с трудом переизбралась, выиграв свое место с перевесом всего в 546 голосов, наслаждалась своей ролью в центре событий. На пятисантиметровых каблуках из оргстекла и в обтягивающих платьях она расхаживала по ко-

ридерам Конгресса, отказываясь разговаривать с репортерами, за исключением случаев, когда на вопрос, почему она мешает предпочтительному кандидату Трампа, она провозглашала: «Я люблю президента Трампа!»

Если ее слишком напряженная кампания по переизбранию означала, что избирателям Колорадо не нравится ее разрушительный стиль политики, она не желала слышать этот сигнал. Боберт, рядовой член палаты, никогда не обладавшая никакой реальной властью, кроме своей известности, выжимала из момента всё. В какой-то момент она даже заявила, что сам Господь велит ей выступать против Маккарти. «Может, Он велит вам сжать кулаки и встать перед демонами, например, перед спикером Палаты представителей», — сказала она о Всевышнем.

Ее оппозиция Маккарти отчасти объяснялась ее продолжающейся враждой с конгресссвумен Марджори Тейлор Грин из Джорджии. Две женщины, соперничающие за титул королевы MAGA-улья в Палате представителей, давно ненавидели друг друга. После того как республиканцы вернули себе Палату, Маккарти говорил людям, что Боберт завершила его в своей поддержке, но когда она увидела, как Грин выстраивает похожий альянс, она повела себя иначе. (Боберт это отрицает.)

А были еще такие типы, как конгрессмен Эли Крейн, сорокатрехлетний бывший морской котик из сельского округа на северо-востоке Аризоны, который только что прибыл

в Вашингтон. После тринадцати лет в армии и пяти командировок в зоны боевых действий Крейн основал компанию Bottle Breacher, которая делает открывалки для бутылок из стреляных гильз. Он вкусил публичной жизни, участвуя в реалити-шоу «Shark Tank», где рекламировал свой отличный продукт – открывашку в виде пули калибра.50, которую он позиционировал как идеальный подарок для определенного типа друзей жениха.

Теперь он был в Конгрессе, явившись на Капитолийский холм с помпой: он был единственным новичком-республиканцем, который до самого конца отказывал Маккарти в поддержке. «Чего ты добиваешься?» – спрашивали Крейна союзники Маккарти на протяжении всей недели. Но вести переговоры с парнем, который, казалось, ничего не хотел – ни места в определенном комитете, ни изменения правил Палаты, ни даже медийной известности, – оказалось невозможным. Крейн просто чувствовал, что его избрали, чтобы противостоять «болоту», и для него было делом чести просто не поддаваться «давлению» Вашингтона. «Я ничего не хотел, кроме как делать то, для чего меня сюда послали», – говорил он. Он лишь пожал плечами на возможную цену своей неуступчивости: «Может, я и закончу в камере с метлами».

Единственное, что давало союзникам Маккарти некоторую уверенность в возможной победе, это то, что около 200 членов палаты твердо стояли за них и всё больше злились на противников, мешающих процессу без видимой причины.

Перед первым голосованием в зале штаб Маккарти связался с Вином Вебером, бывшим конгрессменом от Миннесоты и давним другом, имевшим опыт проведения съездов по выдвижению кандидатов. Вебер посоветовал им отказаться от первоначального плана, по которому Маккарти должен был сидеть в кулуаре, а члены палаты – заходить к нему по одному. Маккарти нужно оставаться в зале, как бы унижительно ни было за всем этим наблюдать, посоветовал Вебер. «Очень трудно вставлять палки в колеса человеку, который сидит прямо здесь», – сказал он им.

Он посоветовал им рассадить главных союзников Маккарти по залу заседаний. «Разместите их в стратегических местах, – сказал он, – чтобы не было места в зале, где бы не сидел убежденный организатор за Кевина». Это была стратегия съездов: окружить людей, которые еще не с тобой, и не давать диссонирующей коалиции казаться больше или заражать других. Самое главное, сказал Вебер, – убедиться, что не появится другой серьезный кандидат.

Вокруг Маккарти кружили коллеги, как стервятники, высматривающие раненое животное. Конгрессмен Стив Скализ из Луизианы, который годами был номером два при Маккарти, хотя бы на бумаге, был его давним соперником и пальцем не пошевелил, чтобы помочь Маккарти в этом процессе.

Вместо этого Скализ всю неделю тихо обзванивал людей, выясняя, не будет ли достаточно дезертиров, чтобы он мог заполнить брешь. Звоня членам палаты и прощупывая поч-

ву, он намекал на то, что Маккарти раздаёт места в комитетах, и собирал информацию о том, как всё это разворачивается.

Ещё более тихим стервятником, оценивающим ландшафт, был малоизвестный, мягкий конгрессмен из Луизианы Майк Джонсон. У Джонсона была лишь невысокая руководящая должность, и у него не было шансов стать спикером в январе 2023 года – многие его коллеги не смогли бы опознать его в строю. Но всю неделю он держался рядом с Джоном Легански, молодым руководителем аппарата Маккарти по организации работы в зале, и создавал отчетливое впечатление, что внимательно слушает всё происходящее и делает мысленные заметки.

Одной из худших сторон всех этих махинаций было то, что в нормальных обстоятельствах твои друзья, коллеги, любимые, ненавистники, недруги и явные враги не могут наблюдать за твоим унижением по C-SPAN. «В политике предпочтительнее всегда претерпевать унижения в частном порядке, а не на публике», – заявил тогда конгрессмен Патрик Макгенри, носящий бабочку и очки представитель от Северной Каролины, сыгравший ключевую роль в переговорах. «Это было целью. Было очевидно, что нам придется претерпеть это на публике».

C-SPAN, специфический кабельный канал, транслирующий в прямом эфире все ежедневные поименные голосования в Палате представителей и Сенате, получил уникальный

доступ к драме во время выборов спикера. Его камеры следовали за главными действующими лицами по залу, как будто это было спортивное мероприятие. Всё это было беспрецедентно: обычно доступ C-SPAN в зал контролируется партией, имеющей большинство в палате, которая и решает, какие фрагменты заседаний зрители могут видеть и слышать. Камерам канала обычно разрешено транслировать либо вид на трибуну, с которой выступает член палаты, либо общий план сверху всего зала. Другими словами, они транслируют голосования, а не драму, происходящую между ними. Но так как спикер не был избран, не было и партии, ответственной за установление правил, и C-SPAN был предоставлен сам себе, свободно перемещаясь по залу, как будто снимая реалити-шоу на Bravo. Камеры, например, снимали Гетца и конгрессвумен Александрию Окасио-Кортес, звезду прогрессивистов из Нью-Йорка, когда эта странная парочка о чем-то напряженно беседовала.

Гетц сказал ей, что Маккарти говорит республиканцам, будто может убедить демократов голосовать «присутствова-ло», тем самым снижая необходимый порог и позволяя ему стать спикером.

«Абсолютно нет», – ответила ему Окасио-Кортес. Никакой подобной сделки не готовилось.

Камеры также наезжали, показывая, какие члены палаты сидят вместе и что они читают. Возможно, впервые, а может, и точно впервые, C-SPAN создавал контент, интерес-

ный аудитории, выходящей за рамки узких специалистов по Конгрессу.

Пресса приветствовала это как победу прозрачности, в то время как члены палаты-республиканцы ворчали, что это лишь добавляет хаоса: законодатели начали вести себя показно именно потому, что рядом были камеры, готовые это заснять.

* * *

Это был первый день работы нового Конгресса, когда все члены Палаты представителей впервые оказались в одном зале одновременно, и в воздухе витала энергия первого учебного дня, пока они проводили три раунда поименного голосования, и Маккарти проиграл все три. Перед первым голосованием члены палаты ходили по залу, налаживая связи и пытаясь понять, в каких комитетах они хотели бы работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.